
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 910.4(470)
ББК 26.8г

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

В.Н. ШЕРСТОБОЕВ: «ВНУТРЕННЯЯ» ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Статья обращается к теме обеспечения крестьянами Ленско-Илимского края нужд Великой Северной (Второй Камчатской) экспедиции, ставшей сквозной в творчестве Вадима Николаевича Шерстобоева (1900–1963). Начав с выявления документальных свидетельств, отражающих проезд экспедиции Беринга и ее снабжение из Илимска, ученый завершил разработку темы широкими обобщениями, определявшими ее социально-экономические устремления, заставившими рассматривать экспедицию не столько ярким событием в истории русской науки, сколько мрачной страницей в истории сибирского крестьянства.

Ключевые слова: В.Н. Шерстобоев, Великая Северная (Вторая Камчатская) экспедиция, история крестьянства.

D. YA. MAIDACHEVSKY

V.N. SHERSTOBOEV: «INNER» HISTORY OF THE GREAT NORTH EXPEDITION

The article addresses to the theme of the Great North (or the Second Kamchatka) Expedition's provision by the Lensk-Ilimsk peasants. This theme is central for the Sherstoboev's works. With the beginning from the revelation of documental data showing the Bering's expedition passage and Ilimsk's provision of this expedition the scientist finished his work with the wide conclusion, that defines its social and economic motivation and makes scientists consider the expedition not as the positive event in Russian history but as the gloomy page of the history of peasantry.

Keywords: V.N. Sherstoboev, The Great North (or the Second Kamchatka) expedition, history of peasantry.

Поводом для очередного обращения к научному наследию Вадима Николаевича Шерстобоева (1900–1963) послужила на этот раз статья с интригующим названием «Кто задумал и кто устроил Великую северную экспедицию?». Автор которой, справедливо указав на узость сложившегося в литературе и ограниченного предметом изучения истории науки или географии взгляда, предложил для получения ответов на поставленные вопросы «погрузить» историю экспедиции в широкий контекст истории России и, прежде всего, «в историю становления сибирского общества». Раз-

деляя его сетования на то, что, игнорируя контекстуальный подход, историки долгое время оставляли за рамками своих исследований «самое важное и интересное», вряд ли можно безоговорочно согласиться с утверждением об отсутствии у последних даже робких попыток к нему прибегнуть.

Впрочем, заявление уважаемого автора, что «нигде... не попалось мне рассказа о том, ...кто все это предприятие обеспечил людьми, кораблями, вещами, продуктами, деньгами и инструкциями» [8, с. 35], — отнюдь не показатель недостаточной глубины, предшествовавших написанию статьи разысканий. Оно заставляет говорить скорее об излишне «узком» понимании им исторического контекста, сводимого не просто к контексту политическому, но к деятельности (интриге) конкретных исторических персонажей, и позволяющему называть «другой темой» все то, что главный герой последующего изложения, своими работами отвечавший как раз на вопрос «кто обеспечил»¹ Великую северную экспедицию, полагал основной. И в этом смысле данное заявление является лишним подтверждением тому, что отечественная историческая наука, проигнорировавшая более полувека назад контекстуальное объяснение, предложенное В.Н. Шерстобоевым, все также далека от всестороннего осмысления этого исторического события и потому остро нуждается в обращении к забытой, а отчасти и неизвестной, странице собственной истории.

Первое обращение ученого к проблематике Камчатских (Первой и Второй) экспедиций относится к 1948 г. и было связано с подготовкой доклада «Проезд Беринга через Иркутскую провинцию», венчавшего цикл научных сообщений «Великие открытия на северо-востоке Азии» и сделанного им в декабре на Общем годовом собрании членов Восточно-Сибирского отдела Географического общества СССР (ГО СССР).

Характер этого обращения, как и его результат, целиком определялись, на наш взгляд, двумя факторами. В первую очередь, — стадией, на которой находилась в ту пору работа над «Илимской пашней», одной из глав второго тома которого (к его написанию, будучи всецело занят подготовкой к печати первого, В.Н. Шерстобоев едва лишь приступил) еще только предстояло стать материалам доклада. В силу чего последний так и остался по сути «материалами», или «выборками», к докладу, обретая форму своеобразной презентации выявленных им документальных свидетельств проезда экспедиции Беринга и ее снабжения из Илимска хлебом, солью, вином, пенькой, людьми. Презентации, сопровождавшейся, как сообщала опубликованная по итогам состоявшегося заседания заметка в газете «Восточно-Сибирская правда», demonstra-

¹ И не инструкциями или высоким покровительством, а как раз людьми, кораблями, продуктами и деньгами. Использованное же автором применительно к «инструкциям» (а следовательно, и людям, кораблям и пр.) слово «обеспечил» лучше все же заменить на прозвучавшее в названии «устроил», используемое чаще в значениях «организовал» или даже «содействовал».

цией фотокопий «подлинных документов Беринга, Чирикова, Харитона Лаптева и других участников камчатской экспедиции» [1].

В достаточно поверхностном характере этого первого прикосновения к теме можно убедиться, обратившись и к делу личного архивного фонда ученого, вопреки присвоенному ему названию, содержащему не текст доклада, а страницы с выписками (с отсылкой к конкретным листам дел) из документов Илимской воеводской канцелярии [2, д. 164]¹. О работе с ними исследователя свидетельствуют лишь короткие и емкие названия, призванные оживить сухие строки документов XVIII в. и обозначить основные темы будущего повествования: «Постройка судов», «Первые беглецы», «Людей Берингу», «Отчет Сенотрусова», «Миллер едет из Братска», «Гмелин требует подводу курьеру до Енисейска», «Бегство невольников», «Господа профессора потеряли ящик» и т.п.

Трибуну ежегодного собрания членов регионального отделения всесоюзной общественно-научной организации, объединявшей по традиции, заложенной еще местным отделом Императорского Русского географического общества, специалистов различных научных областей, не следует, однако, рассматривать исключительно в качестве места презентации одного из представляющих широкий интерес сюжетов будущей книги. Она стала еще одним из способов защиты книги уже написанной, доведенной до стадии набора в местном издательстве, но все еще рискующей не увидеть свет², к которым вынужден был раз за разом прибегать в те годы исследователь [4, с. 168–172]. Защиты вызывающих неприятие чиновников от науки илимских пашенных крестьян XVII–XVIII вв. посредством обращения не просто к яркой, но политически и идеологически выигрышной теме, указания на их причастность к Великим русским географическим открытиям, установившим очертания северной и северо-восточной частей Азиатского континента.

Идеологически значимой тему делала — и это второй из предопределивших обращение к истории Камчатских экспедиций фактор — легко обнаруживаемая за восстановлением сети региональных отделений ГО СССР, возобновлением в 1947 г. деятельности Восточно-Сибирского отдела, а также ее направленностью в первый год работы, набравшая в стране обороты кампания борьбы с «космополитизмом и национальным нигилизмом». Породившая массу псевдоисторических «агиток» и даже фальсификаций, она принесла, однако, не просто оживление, но всплеск подлинного интереса к истории оте-

¹ Не хочется думать, что это стало результатом недоработки сотрудников архива и текст доклада скрыт для исследователей между листами других дел, хотя некоторые основания предполагать это у автора статьи, как будет видно из дальнейшего изложения, имеются.

² Первый том «Илимской пашни», носивший название «Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII вв.» и завершавшийся концом петровской эпохи, вышел из печати в следующем 1949 г.

чественной науки и техники, к национальным традициям и особенностям в их развитии, к факторам, это развитие обусловливавшим или тормозившим, к историческому его контексту.

Наглядный пример первых, если не выходить за рамки упомянутого уже собрания членов Восточно-Сибирского отдела, продемонстрировал открывший его доклад «К 300-летию подвига Семена Дежнёва» доктора биологических наук, профессора Иркутского сельскохозяйственного института Василия Николаевича Скалона (1903–1976), последовательно отстаивавшего идею о народных источниках познания Сибири, о нахождении на «переднем крае» исследований, в том числе и географических, «простых русских людей», первооткрывательская деятельность которых определила, в частности, дальнейший ход географического познания северо-восточной части Азиатского континента. Приверженность идее «народности» заставила не только подчеркнуть в докладе «высокие личные качества героя — простого русского человека — Семена Дежнёва» [1], но и безосновательно настаивать на «проникновении» безвестных первых русских землепроходцев на северо-восток Азии еще в XVI в., задолго не только до экспедиции Беринга, но и Дежнёва¹.

В докладе В.Н. Шерстобоева «простые русские люди», илимские пашенные крестьяне — не «авангард» познания Сибири, формирования представлений о ее географии, но и не «арьергард» этого процесса. Они — его «мышцы и рабочий костяк», его прочный материальный фундамент, что наглядно демонстрируют, по мысли ученого, именно крупные, именуемые нередко Великими, географические открытия, совершаемые не отдельными, пускай и предприимчивыми и талантливыми лицами, а силами всего общества, или народа. Народа, вырастившего, подготовившего, оснастившего, обеспечившего путешественников, мореплавателей и землепроходцев и всегда стоящего за спиной любого научного начинания, любой экспедиции. Газета, всего двумя годами ранее шельмовавшая ученого за уход от «современности в историзм», копание в ненужном никому архивном хламе, воспевая теперь на своих страницах Великую Камчатскую экспедицию как «один из замечательных подвигов во всей (заметим, не только русской. — Д. М.) истории географических открытий и исследований», вынуждена была, ссылаясь на представляющий «исключительный интерес» доклад, именовать вслед за автором Илимское воеводство «центром земледелия Восточной Сибири» XVIII в., указывать на решающую роль сибирских крестьян в снабжении экспедиции хлебом [1].

Главу второго, изданного в 1957 г., тома «Илимской пашни», озаглавленную «Снабжение Камчатской и других экспедиций», можно с полным основанием считать расширенной (за счет включения небольшого разде-

¹ Доклад ознакомил слушателей с содержанием небольшой брошюры, незадолго до этого сданной в местное издательство и в следующем году увидевшей свет [5]. Более подробно подход автора изложен в работе [6].

ла, посвященного «запросам научных обществ»¹) и обретшей «плоть» версией доклада девятилетней давности. Поскольку представляла она по сути все тот же выстроенный в хронологическом порядке перечень связанных с экспедицией, важных и не очень событий, дел, происшествий, как они представали перед исследователем со страниц указов, переписки, требований, распоряжений, реестров, ведомостей или отчетов, сохранившихся в архиве илимской воеводской канцелярии. Перечень, рисующий во многом мозаичную картину того, что автор, обычно предельно чуткий к словам, не подобрав лучшего, не совсем удачно назвал «снабжением».

Глава остро нуждалась в концептуальной идее, способной не только скрепить эту мозаику фактов, организовать разнообразный и далеко не сводящийся к проблемам «снабжения» материал исторических источников, но и предложить читателю его интерпретацию. В идее иной, нежели заявленной в ее названии, заставляющей видеть в крестьянине лишь участника научного предприятия и множить примеры, подчеркивающие его исключительную роль в деле обеспечения экспедиционных нужд. И таковая появляется на страницах работы, хотя, судя по несколько шутливым выражениям, в которых формулируется, вряд ли до конца, выходя за рамки привычных представлений, удовлетворяет автора. Для характеристики складывающихся в связи с превращением Илимского воеводства в главный плацдарм продвижения Великой Северной экспедиции на восток отношений, В.Н. Шерстобоев использует образ пирамиды, на вершину которой помещает именно экспедицию как высшую, по его словам, власть на северо-востоке Сибири. Власть, на целое десятилетие, с 1733 по 1743 г., превратившую воеводскую канцелярию — и это второй уровень пирамиды — в «девку-чернявку», находящуюся у нее на побегушках и «поощряемую к усердию подзатыльниками» [9, с. 423]. Основание же пирамиды составляют конечно же илимские крестьяне, служилые люди и казаки — уже не столько невольные участники экспедиции, сколько невольники этой власти.

Исследователь не жалеет черной краски рисуя этого возникшего на краю света Левиафана, из «разных частей неуклюжего и беспомощного тела» которого тянулись руки, хватавшие все необходимое для поддержания в нем жизни. Поглощая хлеб и деньги, водку и масло, он забирал и живых людей, в приводимом автором перечне потребного занимающих место между канатами и собаками. Руки эти дотягивались до каждой волости, слободы или острога благодаря воеводской канцелярии, не замечавшей «тяжело или легко приходилось илимскому крестьянину и служилому человеку выполнять все эти требования. Удобно ли или

¹ В отдельный же раздел главы были выделены им материалы об организации переездов и удовлетворении требований «профессоров Камчатской экспедиции», или академического ее отряда.

затруднительно, хорошо или плохо крестьянину — такого вопроса не существовало. Раз что-нибудь требовалось Камчатской экспедиции, то, значит, это было необходимо. Если требование выполнялось, то это было хорошо. Если не выполнялось, то это было плохо» [9, с. 424].

Благодаря предложенной читателю схеме в ткань работы удалось органично включить многочисленные факты, относившиеся не столько к проблемам «снабжения» экспедиции, сколько подпадавшие под рубрику ранее автором обозначенную как «бегство невольников». Рисковавшие остаться за рамками главы, они теперь убедительно свидетельствовали о негативных последствиях принудительной мобилизации крестьян и служилых людей и их направления на северо-восток, в распоряжение начальников экспедиции, и, соответственно, о препятствиях, чинимых взятыми на вооружение приемами обеспечения последней трудовыми ресурсами, успеху научного предприятия. Пересказ многочисленных объявлений о сысках беглецов, свидетельств о расправах над провинившимися, венчает извлекаемый автором из недр архивного фонда илимской приказной избы факт появления на берегах Лены виселиц. «Глаголей», в глазах одних выглядевших надежным средством устрашения (прибегнуть к которому, к счастью, не довелось), а для других — «невольным символом экспедиции» [9, с. 426].

Ситуативность, акцент, делаемый на властных отношениях, наряду с невозможностью дать объяснение причин остановки экспедиционных работ, не позволили В.Н. Шерстобоеву ограничиться и этой моделью. Попытка наметить контуры еще одной — уже скорее политико-экономической — была предпринята в коротком резюме, завершающем главу. Отделенное от основного текста при помощи специального типографского знака (используемого, помимо прочего, для привлечения внимания читателей)¹, оно не только не стало обобщением приведенных фактов, но и во многом противоречило им. Завершая главу изложением свидетельств источников об обусловленных неурожаями в Сибири проблемах с продовольственным обеспечением экспедиции, В.Н. Шерстобоев вопреки ожиданиям в резюмирующих строках возложил вину за остановку ее работ отнюдь не на объективные обстоятельства, неподвластные силы природы, а на «крепостнические начала» в ее организации. Социально-экономические отношения, принесенные и насаждавшиеся экспедицией, обусловив упадок крестьянского хозяйства Восточной Сибири — всего лишь углубившийся и ставший очевидным в неурожайные годы — сделали невозможным продолжение научных работ. «Не придворные интриги, как это иногда изображается историками, а глубокий упадок крестьянского хозяйства Восточной Сибири и последовавшие

¹ Сей факт не исключает и более позднего происхождения двух этих абзацев, что не противоречит издательской истории второго тома «Илимской пашни», текст которого на многолетнем пути к читателю подвергался не только сокращениям, но и исправлениям.

голодовки, вызванные Камчатской экспедицией, — со всей определенностью заключает автор, — прервали ее работу» [9, с. 449].

Отныне не столько история Великой Северной экспедиции и содержание ее за счет местных средств, или еще более узко — ее снабжение силами илимских крестьян, сколько история сибирского крестьянства и место и роль в ней экспедиции, занимает мысли ученого. Именно такая постановка вопроса должна была отличать следующее его обращение теме — статью в сборнике материалов по истории Сибири — «Сибирь периода феодализма» [11], предвещающем появление известного пятитомника. И не вина автора (жизнь которого оборвалась за два года до выхода книги со статей в свет), а беда исторической науки, что статья усилиями редакторов¹ превратилась в краткое научное сообщение, посвященное все тому же обеспечению² крестьянами Лено-Илимского края нужд Камчатской экспедиции. Введя в научный оборот сводные показатели его характеризующие (общего числа привлеченных к ее работам людей, количества направленного в ее распоряжение хлеба, тяжести натуральных повинностей и т.д.), и тем уже заслужив признание³, сообщение, скроенным редакторами из остатков авторского текста вступлением, заставляло внимательного читателя задуматься о претензиях первоначальной версии на большее.

Обращение к отложившемуся в личном архивном фонде ученого оригинальному тексту статьи [2, д. 158] и затерявшимся между листов другого архивного дела черновикам и наброскам к ней [2, д. 222, л. 12–13об.], подтверждает возникшее впечатление и позволяет восстановить оригинальную концепцию автора. Уже в первых строках своей работы В.Н. Шерстобоев разграничивает «внешнюю», событийную, реконструируемую (и уже в деталях восстановленную) историками науки и географии историю экспедиции, и историю «внутреннюю», сущностную, демонстрирующую (и, соответственно, нуждающуюся в установлении и изучении), связь этого события с конкретной исторической эпохой. И связь эта не столь оче-

¹ Редакционную коллегию сборников возглавлял В.И. Шунков, о научном противостоянии с которым В.Н. Шерстобоева см. подробнее: [3].

² Назвав статью «Обслуживание Камчатской экспедиции крестьянами Сибири» (в другом варианте — сибирским крестьянином), автор попытался не только уйти от излишне узкого, почти технического термина «снабжение», не учитывающего, например, работ по передвижению и перемещению команд и грузов экспедиции, но и указать на фундаментальный, концептуальный характер своих заключений, для которых не принципиальны в том числе и различия между Первой и Второй Камчатскими экспедициями. Произведя далеко не «косметические» (а в своем письме к В.Н. Шерстобоеву член редколлегии сборника Алексей Николаевич Копылов (1924–2007), ссылаясь на замечания безымянного рецензента, сообщал о проведении «небольшого» и, как можно было ожидать, не принципиального, «редактирования текста» [2, д. 222, л. 1]), по сути выхолостившие содержание статьи сокращения, редколлегия дала ей и новое заглавие.

³ В редакционном примечании к статье отнюдь не случайно указывалось на приоритет В.Н. Шерстобоева в деле освещения «неизученной стороны истории Второй Камчатской экспедиции» [11, с. 298].

видна и проста, как может на первый взгляд показаться приверженцам ли материалистического толкования истории или, как и прежде, все объясняющим устремлениями и энергией отдельных личностей. О чем наглядно свидетельствует факт прекращения работ экспедиции, объяснить который нельзя «ни драматической гибелью ее начальника, ни придворными интригами, ни, — настаивает ученый, — исчерпанием российских ресурсов» [2, д. 158, л. 20].

Осмыслить эту связь возможно, лишь поместив, полагал исследователь, это «радостное для русской науки» событие в контекст с одной только социально-экономической истории России, но и в контекст истории сибирского крестьянства, учтя тем специфику хозяйственного уклада территорий, по которым не просто проходил путь экспедиции, но которые были превращены в ее хозяйственную базу. А тысячеверстные эти просторы Сибири не знали поместной системы: «Ни феодальные государственные налоги, настигавшие крестьянина Сибири, ни натуральные повинности, ни обложение местных народов ясаком, ни даже развитие монастырских вотчин, не идут ни в какое сравнение с личной зависимостью доуральского крепостного крестьянина, с барщиной и оброком в пользу владельца» [2, д. 158, л. 21].

Великая Северная экспедиция по своим «социально-экономическим устремлениям» рассматривалась исследователем в качестве ярко выраженной «крепостнической акции» — распространения развитых, «концентрированных», крепостнических порядков «срединной России» на области и уезды Сибири с «наиболее слабым развитием феодальных отношений» [2, д. 222, л. 13]. Основным в ходе «разведки» самой возможности закабаления помещичьим государством свободного русского и аборигенного населения восточной окраины стал прием, именуемый им «невольники». В.Н. Шерстобоев регулярно указывает на схожее положение крестьян и каторжников, будь то основание использования их рабочей силы (принудительный труд) или строгость применяемых наказаний, и его отличие от положения дворовых людей, сопровождавших начальников экспедиции.

Из авторского текста статьи были вычеркнуты и рассуждения о несопоставимости двух основных результатов экспедиции, обусловленных ее крепостническими основаниями. «Скромности» ее финальных действий — «после 10 лет изнурительной работы сотен и тысяч людей корабль Беринга простоял у берегов Америки лишь несколько часов для набора воды» [2, д. 158, л. 20], с одной стороны, и «максимального» размера ущерба, нанесенного незначительными силами экспедиции сибирскому крестьянскому хозяйству, с другой. В своих набросках к статье В.Н. Шерстобоев не просто определил степень этой несопоставимости словом «поражает», но и увидел с ней разгадку причин неудачи, конечно же, относительной, экспедиции, как эта неудача объяснялась современниками [2, д. 222, л. 13].

Как и пятью годами ранее¹, во втором томе своей монографии, ученый связал прекращение экспедиционных работ с упадком сибирского крестьянского хозяйства, ослаблением производственной деятельности и падением его хозяйственной устойчивости, а также с изнурением повинностями местных разночинцев, казаков и инородцев. Другими словами, экспедиция воспроизводством в течение десятилетия крайне нерациональных социально-экономических отношений, фактически сама предопределила и приблизила свой конец. Судьба, полагал В.Н. Шерстобоев, в лице природы, лишь ускорила события и обострила («благоприятствовала» проявлению ультракрепостнических тенденций», как он не совсем удачно выразился) противоречия между целями и средствами «тем, что ни послала неурожай на громадном прострaнстве, по которому шла экспедиция, и совершалось вслед ее снабжение припасами» [2, д. 222, л. 13].

Не трудно догадаться, что возможный успех экспедиции и получение куда более значимых результатов, ученый связывал с ее организацией на капиталистических хозяйственных началах, превращавших экспедицию в источник заработка сибирского крестьянина, а не его разорения. «При оплате труда по вольному найму, при оплате стоимости прогонов и хлеба и других ценностей по рыночным ценам, местные жители сами бы дали экспедиции все необходимое, поскольку нужда в деньгах у них была вызвана нарождавшимися товарно-денежными отношениями и налоговой политикой правительства» [2, д. 158, л. 31]. И такие порядки вскоре, всего лишь полстолетия спустя, докажут свои несомненные преимущества, позволив путешественнику-дельцу Г.И. Шелехову, экспедиции которого опирались на использование наемного труда, открыть для России Северную Америку и основать там русские колонии.

Стоит ли уточнять, что и эти строки были вычеркнуты редактором, хотя, думается, лишь в силу устоявшейся традиции рассматривать экспедицию в качестве яркого события в истории русской науки, участником которого невольно довелось стать сибирскому крестьянину, взявшему на себя трудную, но почетную миссию снабжения (обслуживания) первопроходцев. О том, что эту традицию ни сколько не поколебало видение экспедиции в качестве мрачной страницы в истории сибирского крестьянства, красноречиво свидетельствуют и вскоре опубликованный второй том «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней» [7] и увидевшая свет полвека спустя «Историческая энциклопедия Сибири» [12]. И отнюдь не отсутствием в них ссылок на посвященные Великой Северной экспеди-

¹ Рукопись статьи датирована мартом 1962 г. В том же году увидела свет еще одна работа В.Н. Шерстобоева, имеющая, в известной степени, отношение к истории Великой Северной экспедиции. Им был создан эскиз, легший в основание разработки карты, отразившей ход географического изучения Иркутской области в XVII — первой четверти XX вв. На которой, в частности, были нанесены пролежавшие по территории последней маршруты Академических отрядов (С.П. Крашенинникова, а также И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера) Сибирско-Тихоокеанской экспедиции (1733-1743 гг.) [10, с. 171].

ции страницы «Илимской пашни» или упомянутое выше научное сообщение, а преследующим после их прочтения вопросом, некогда фактически поставленным В.Н. Шерстобоевым: «Если отвлечься от крестьянства Сибири, то какое отношение экспедиция имеет к ее истории?». Если, конечно, это история людей, а не географических пространств или названий.

Список использованной литературы и источников

1. В географическом обществе // Восточно-Сибирская правда. — 1948. — 22 дек. — С. 4.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). — Ф. р-2683 (В.Н. Шерстобоев). Оп. 1.
3. Майдачевский Д. Я. Еще одна история с географией, или О том, как «исчезла» илимская пашня / Д. Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2011. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2011. — С. 4–17.
4. Майдачевский Д. Я. Историко-экономическое изучение Прибайкалья : история исследований и идей / Д. Я. Майдачевский. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 204 с.
5. Скалон В. Н. Первые исследователи Сибири / В. Н. Скалон. — Иркутск : Ирк. обл. изд-во, 1949. — 34 с.
6. Скалон В. Н. Русские землепроходцы — исследователи Сибири XVII века / В. Н. Скалон. — М. : Изд-во Моск. об-ва испытат. природы, 1951. — 200 с.
7. Степанов Н. Н. Научные экспедиции и изучение Сибири / Н. Н. Степанов // История Сибири с древнейших времен до наших дней : в 5 т. — Т. 2 : Сибирь в составе феодальной России / редкол.: В. И. Шунков [и др.]. — Л. : Наука, 1968. — С. 343–353.
8. Чайковский Ю. В. Кто задумал и кто устроил Великую северную экспедицию? / Ю. В. Чайковский // Вопросы истории естествознания и техники. — 2013. — № 2. — С. 34–55.
9. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1957. — Т. 2 : Илимский край во II–IV четвертях XVIII в. — 674 с.
10. Шерстобоев В. Н. История исследования / В. Н. Шерстобоев // Атлас Иркутской области / МГУ, Географ. ф-т ; СО АН СССР, Вост.-Сиб. филиал. — М. : Иркутск, 1962. — 182 с.
11. Шерстобоев В. Н. Обслуживание Второй Камчатской экспедиции крестьянами Ленско-Илимского края / В. Н. Шерстобоев // Сибирь периода феодализма. Вып. 2 : Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. : материалы по истории Сибири / редкол.: В. И. Шунков [и др.]. — Новосибирск : Наука, 1965. — С. 298–303.
12. Элерт А. Х. Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция / А. Х. Элерт // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Т. 1 : А–И. — Новосибирск, 2010. — С. 349–353.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович — кандидат экономических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: maid1960@mail.ru.

Author

Maidachevsky Dmitry Yaroslavovich — PhD in Economics, Associate Professor, Chair of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: maid1960@mail.ru.